

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Черно-белый танец : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.
ISBN 978-5-04-183175-2

Сегодня у Насти свадьба, но этот день стал самым трагическим в жизни. Только что она узнала, что ее возлюбленного, отца ее будущего ребенка, приговорили к десяти годам заключения... А свадьба была лишь частью сделки, которую она заключила с собственной матерью: она, Настя, выходит замуж за бывшего своего кавалера Эжена, а мать нанимает самого лучшего в Москве адвоката для Арсения. Судили его за преступление дикое и жестокое, которого он не совершал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-183175-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

1982 год

*Одним все, а другим ничего.
Вечный закон. Непреложный, незаблемый.
Он, как все, жил по закону.
Но так и не принял его. Не смирился.*

Стылым февралем восемьдесят второго года он по привычке поймал «Свободу».

«Вражий голос» сквозь вой глушилок с несоветским придыханием сообщал: в Московском метро произошла трагедия. Обвалился эскалатор на станции «Авиамоторная». Чуть ли не сотни жертв, московские врачи и милиция в панике.

А родное телевидение в это время рассказывало о трудовой вахте по исполнению решений Двадцать шестого съезда КПСС. И о строительстве газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. И об открытии новой художественной школы в Ашхабаде. В общем, счастливая, успешная, благополучная страна.

Он понимал: вражий голоса врут. Наверняка в метро никаких «сотен погибших» и никакой паники в рядах милиции. Трагическое, но не самое страшное происшествие. Так объявите же! Расскажите, вышлите съемочную группу, успокойте народ! Нет. Всеобщее умолчание.

О, как же он ненавидел эту мерзкую страну!

Он презирал ее двуличие, ее мрак.

Он ненавидел кильки в томате, вареную колбасу в серых пятнах, тощих, плохо ощипанных кур. Его тошнило

от баек про «развитой социализм». Какой развитой социализм?! Он видел это «развитие». Оно совсем рядом, за дверью распределителя на Грановского и сотовой секции ГУМа. Там прячется россыпь роскошной финской салями, баночки свежей красной и черной икры, нежнейшая вырезка... К закрытым магазинам подъезжают черные «Волги», шоферы распахивают дверцы перед спецконтингентом.

Контингент вальяжно направлялся к дверям...

Почему? За что? Чем они — жирные, лоснящиеся, самодовольные — заслужили все это?

Да, он привык к тому, что его страна живет по лживым, двуличным законам.

Но, черт возьми, смиряться с этим он не собирался.

Он им еще устроит!

Прошло двадцать лет

Наши дни

Настя с Николенькой бросили машину на Таганке. Решили нырнуть в метро. Так выйдет куда быстрее, чем стоять в пробках.

В вагоне, уже изрядно набитом, Настя взяла Николеньку под руку. Провокационно прижалась к нему. Она чувствовала изумленные взгляды, устремленные на них, и ловила кайф от этих взглядов. Народ явно не понимал, что это за парочка, в каких отношениях они состоят: юный, красивый, модно одетый атлет и женщина, очевидно старше его, но тоже молодая, яркая и весьма привлекательная. Он, если присмотреться и отвлечься от атлетической фигуры, совсем еще мальчик. Ей на вид не больше тридцати (хотя на самом деле — ах, страшно подумать, — тридцать семь!).

Он — на голову выше; аккуратно, ласково поддерживает свою спутницу, оберегает от вагонной тряски

и толкотни попутчиков. Порой что-то шепчет ей на ухо.

А Настя — она балдеет от его внимания. И еще оттого, что полвагона недоумевает: кем они приходится друг другу? Младший брат и старшая сестра? А может, любовники? Или даже супруги? Сейчас в Москве всякое бывает. И богачки, бизнес-леди, запросто покупают себе в любовники мужиков на десять и даже на пятнадцать-двадцать лет младше себя!..

Однако вряд ли кто из наблюдателей мог задуматься или предположить, что Настя и Николенька — это мать и сын.

«Как хорошо все-таки рожать рано! — радуется Настя, отслеживая краем глаза недоуменные взгляды, нет-нет да обращавшиеся на них из толпы. — У меня уже взрослый сын. Спутник. Опора. А я еще молодая и стройная и такая красивая, что пара-тройка мужиков в вагоне с превеликой радостью поменялась бы с Николенькой местами!»

На следующей станции, «Китай-городе», они вышли. Ускользнули из поля зрения усталых вечерних путников, словно яркий, ослепительный блик — символ красивой жизни.

Подобные счастливые парочки встречаются в Москве, но их не слишком часто увидишь своими глазами. Обычно они скрыты от публики в салонах собственных автомобилей, их можно встретить в театрах и модных магазинах, но порой, изредка, они всплывают и в метро, особенно на центральных станциях, и приковывают к себе всеобщее внимание...

Настя с Николенькой направились сквозь суетливую толпу к выходу на Старую площадь. Их по-прежнему провожали мимолетно-недоуменными взглядами...

Они миновали жестяного Ногина, прошли мимо пяти-шести лотков с книгами, газетами и театральными билетами и ступили на эскалатор.

— Мама, — вдруг пробасил Николенька, — а расскажи, как все было раньше?

— Раньше — это когда?

— Ну, когда ты была молодая.

— А что, я сейчас уже старая? — кокетливо улыбнулась она.

— Да нет же! — смутился Николенька и забавно покраснел. — Ты и сейчас молодая. Но я имею в виду: когда ты была совсем молодой. Как я сейчас. Когда тебе семнадцать лет было.

— А что ты хочешь узнать?

— Ну, все, — тряхнул головой сын. — Как все было?

Они сошли с эскалатора и миновали качающиеся двери метро.

— Все... — улыбнулась она и взяла сына за руку. — Тогда все было по-другому.

— Я сам знаю, что по-другому, — досадливо сказал он. — А *как* по-другому?

— Ну, для начала: ничего этого не было.

Она кивнула на длинный ряд ларьков вдоль бесконечной стены подземного перехода.

Ларьков, где продавалось все на свете: свежеспеченные пирожки, семнадцать сортов пива, книги, сласти, жвачки, парфюмерия, оправы, компьютерные диски, видеокассеты, сигареты, мужское и дамское белье...

— А что вместо этого было?

— А ничего не было, — улыбнулась Настя. — Пустая кафельная стена. Иногда бабка цветы продавала. Но редко. И ветер здесь гулял.

Вдруг нахлынуло воспоминание: они идут по трубе перехода вместе с Арсением. Она держит его под руку — как сейчас Николеньку. Голые стены, завывает ветер, а она такая молодая! Такая молодая, что аж дух захватывает и кажется, что впереди вся жизнь и ее ждет огромное, нестерпимое счастье!

И так это все быстро минуло, так быстро пролетели все эти двадцать лет!..

Они с Николенькой поднялись вверх, на Старую площадь.

«Моя Москва... — подумала Настя. — Как ты переменялась... Насколько стала ярче, уютнее... Насколько больше красивых людей и красивых машин... Насколько светлее на улицах... Но — одновременно! — какой смог!.. Железное стадо стоит в двенадцать рядов. Ждет светофора, бибикает, чадит своими движками... И какое людское расслоение... Тогда все были равны как на подбор... А теперь... Пассажир глазастого «мерса» с номерами АА снисходительно смотрит на водителя «шестисотого» «мерина», потому что у того модель — уже устаревшая, из прошлых, девяностых годов, из прошлого века, тысячелетия... А мужик, что в «мерине», брюзгливо топырит губу на «Пассат». Пассажиры «Пассата» заносчиво смотрят на «Волгу»... Ну а шофер «волжанки» (по советской еще привычке) глядит свысока на пешеходов — на нас с Николенькой, например, — хотя, видит бог, у него нет ровно никаких оснований свысока смотреть на нас... И встречные прохожие тоже: идут и оценивают друг друга... Мне, например, с Николенькой завидуют. Потому что я красивая и хорошо одетая, а он молодой... Круговорот тщеславия. Ярмарка дерьма... А вот нищий сидит: один он ни с кем себя не сравнивает и никого вокруг не оценивает... Ему уже все равно...

А Николенька — он среди всего этого вырос. И как ему объяснить, что бывает по-другому? Он же ровным счетом ничего не поймет!»

И снова нахлынули воспоминания: такой же позднеосенний вечер, двадцать лет назад. И то же время суток. И даже, кажется, та же грязца под ногами. (Вот с грязцой в Москве ровным счетом ничего не изменилось!..)

...И они в этом же самом месте покинули метро и шли по Новой площади в сторону «Детского мира». И он точно так же держал ее тогда под руку... Только *он* тогда был не Николенька, а Арсений. И станция метро называлась по-другому — «Площадь Ногина». И никаких вывесок не было, фонарей и реклам. И прохожих на улице тоже

не было. Ни одного. Лишь маячили неприметные люди в драповых пальто, жались к стеночкам официальных зданий по левую руку... И здесь, на месте, где сейчас газует железное стадо, — не было ни единой машины. Лишь пустая площадь, а за ней — темная громада Политехнического...

Только проносились порой по Новой площади черные «Волги» — все они тогда почему-то следовали в сторону, противоположную нынешнему движению — к площади Дзержинского... И горели окна в здании КГБ, много окон... И крутило поземкой... И на душе отчего-то было зябко, страшно, прекрасно и волнуяще. И Арсений тогда был рядом... Чуть не впервые они в тот вечер куда-то пошли вместе, вдвоем: но не на занятия, не к репетиторам, а просто так... А вот где они были? На вечеринке?... На концерте «Машины времени»? Да нет, концерт «Машины» вместе с Сенькой был позже, не могло быть никакого концерта в такой день... Или они просто гуляли, что ли?

Как говорил Сеня, проветривали мозги?

Он тогда еще рассказывал анекдоты. Политические. Близость здания КГБ этому словно способствовала. Какую-то особую остроту придавала. Анекдоты про Андропова, кажется, уже появившиеся? «Знаешь, — спрашивал он, — что теперь Кремль переименуют?» — «Ну?» — «Его назовут Андрополь!» — шептал он ей на ухо, и она фыркала...

Или анекдотов про Андропова тогда все-таки еще не было, они потом, немного позже, появились?

А в тот вечер возле авиакасс, у Черкасского переулка, они с Арсением наткнулись на пост. Тротуар был перегорожен железными барьерчиками. Возле заго-родок мерзли два милиционера в валенках с галошами и офицерик внутренних войск в щегольских сапожках.

— Куда следуете, молодые люди? — помнится, весело, совсем не в соответствии с моментом, спросил один из румяных милиционеров.